

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–40.

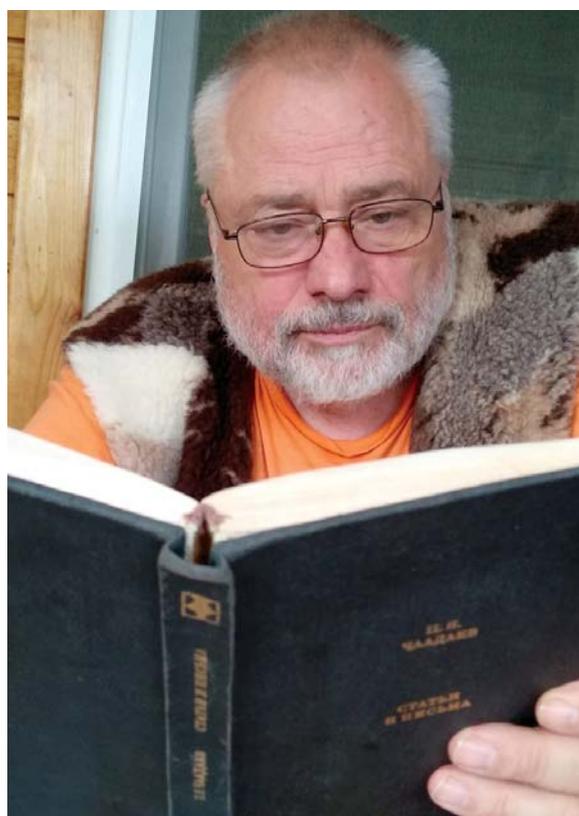
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 11–40.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-11-40

РОПОТ МЫСЛЯЩЕГО ТРОСТНИКА: БЛЕЗ ПАСКАЛЬ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ. ПАРАЛЛЕЛИ (К четырехсотлетию со дня рождения Блеза Паскаля)

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Хотя статья написана к четырехсотлетию со дня рождения Блеза Паскаля, она рассказывает и о русском гении Льве Толстом. В старости Толстой пропагандировал Паскаля. Автор, подражая Плутарху, предлагает параллельное жизнеописание. Он напоминает, что эпоха Франции, когда жил Паскаль, была эпохой невероятного умственного напряжения, эпохой Декарта, Гассенди, Расина, Корнеля, Мольера, Ферма, Ларошфуко, религиозных споров

© Кантор В. К., 2023

янсенистов с иезуитами. Паскаль, очень больной и очень верующий, участвовал в этом споре на стороне янсенистов, общался с Декартом, переписывался с великим математиком Ферма и сам был выдающимся математиком. После его смерти (в 39 лет) были опубликованы одной книгой записи из его неоконченной рукописи под названием «Мысли», которая сразу стала событием европейской философии. Там он дал образ духовного человека как мыслящей тростинки. В России Паскаля узнали только в XIX веке. Одним из первых на его творчество откликнулся великий поэт Тютчев, написавший, что ропщет «мыслящий тростник». Однако по жизни роптал именно Толстой. Он не хотел умирать и приходил в ужас от мысли, что и он обречен. Он не принимал государство, церковь, мировое искусство (Мадонну Рафаэля и трагедии Шекспира), отрицал необходимость армии. И оказался угоден большевикам. А Паскаль остался одиноким, вне партий, мыслящим тростником.

Ключевые слова: Паскаль, Лев Толстой, Христос, Церковь, Франция, католичество, Ришельё, Россия, опрощение, непротивление злу, страх смерти, «паскалина», Тютчев, мыслящий тростник, Коржавин

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Ропот мыслящего тростника: Блез Паскаль и Лев Толстой. Параллели (К четырехсотлетию со дня рождения Блеза Паскаля) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–40. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-11-40.

From the Editor

**THE MURMUR OF THE THINKING REED:
BLAISE PASCAL AND LEO TOLSTOY. PARALLELS
(To the 400th anniversary of the birth of Blaise Pascal)**

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. Although the article was written for the four hundredth anniversary of the birth of Blaise Pascal, it also tells about the Russian genius Leo Tolstoy. In his old age, Tolstoy promoted Pascal. The author, imitating Plutarch, offers a parallel biography. He recalls that the era of France, when Pascal lived, was an era of incredible mental stress, the era of Descartes, Gassendi, Racine, Corneille, Moliere, Fermat, La Rochefoucauld, the religious disputes of the Jansenists with the Jesuits. Pascal, very sick and very religious, participated in this dispute on the side of the Jansenists, communicated with Descartes, corresponded with the great mathematician Fermat and was himself an outstanding mathematician. After his death (at the age of 39), notes from his unfinished manuscript entitled “Thoughts” were published in one book, which immediately became an event of European philosophy. There he gave the image of a spiritual person as a thinking reed. In Russia, Pascal was recognized only in the 19th century. One of the first to respond to his work was the great poet Tyutchev, who wrote that the “thinking reed” grumbles. However, it was Tolstoy who grumbled in life. He did not want to die, and was horrified at the thought that he was doomed, too. He did not accept the state, the church, world art (Raphael’s Madonna and Shakespeare’s tragedies), denied the need for an army. And it turned out to please the Bolsheviks. And Pascal was left alone, outside the parties, a thinking reed.

Keywords: Pascal, Leo Tolstoy, Christ, Church, France, Catholicism, Richelieu, Russia, forgiveness, non-resistance to evil, fear of death, pascaline, Tyutchev, thinking reed, Korzhavin

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2023) “The Murmur of the Thinking Reed: Blaise Pascal and Leo Tolstoy. Parallels (To the 400th anniversary of the birth of Blaise Pascal)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 11–40. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-11-40.

Блез Паскаль (19.06.1623–19.08.1662) великий французский мыслитель, математик, физик, богослов, или, пользуясь выражением Эразма Роттердамского, «христианский воин».

Филипп де Шампень. Блез Паскаль

Ганс Гольбейн Младший. Портрет Эразма Роттердамского. Национальная галерея. Лондон

В век нескончаемых войн Эразм, возведенный в ранг «советника империи» Карлом V (для которого он и написал своего «Христианского Государя»), не устает бороться за мир между государствами Европы. Его антивоенная «Жалоба Мира»... была в свое время запрещена Сорбонной... В XVI–XVIII веках читатели особенно ценили также религиозно-этический трактат Эразма «Оружие христианского воина» (*Enchiridion militis Christiani*, 1502), переведенный на ряд европейских языков.

[Пинский, 2002, с. 66–67]

Эразм — ренессансный гуманист, мыслитель, не принявший Лютера. Он писал: «О христианский воин, разве ты не знаешь, что уже тогда, когда ты животворящим омовением был посвящен в таинства, ты вручил себя военачальнику — Христу? Ему ты дважды обязан жизнью — Он даровал ее и возвратил вновь, — ему ты обязан больше, чем самому себе» [Эразм Роттердамский, 1986, с. 92]. Паскаль — тоже католик, ученый. Ревность к христианству у обоих, скорее всего, была равновеликая. Его отец Этьен Паскаль после Варфоломеевской ночи (1572) вернулся в католическую веру. Эразм жил столетием раньше, но христианская линия была, видимо, та же. Паскаль родился в городе Клермон-Ферран (французская провинция Овернь), городе католическом.

В Европе гений Паскаля был оценен практически сразу. Поначалу как математика, но после посмертной публикации книги «Мысли» (1670) его стали понимать как невероятной глубины христианского проповедника, думавшего

Клермон-Ферранский собор

об основах христианства. В России Паскаля узнали лишь в начале XIX столетия, то есть спустя два века. Стоит перечислить имена писавших и думавших о нем: И. Киреевский, В. Белинский, А. Хомяков, Ф. Тютчев, Л. Толстой, В. Розанов и др.

Великий математик, ставший великим теологом, сформулировал, создал образ, не раз потом повторенный¹:

Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает. Итак, все наше достоинство заключено в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить, как должно: вот основание морали.

[Паскаль, 1995, Мысли, с. 136–137]

В России эту мысль глубоко прочувствовал Тютчев, видевший силу человека в том, что он может вступить в борьбу с Роком:

¹ Напомню нобелевскую речь Фолкнера: «Я верю в то, что человек не только выстоит — он победит. Он бессмертен не потому, что только он один среди живых существ обладает неизбывным голосом, но потому, что обладает душой, духом, способным к состраданию, жертвенности и терпению. Я отказываюсь принять конец человека» [Фолкнер, 1982, с. 192].

Федор Иванович Тютчев (1803–1873)

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

[Тютчев, 2003, т. 2, с. 25]

И сумевший в 1865 году с невероятной мощью
отозваться на образ, введенный в мир Паска-
лем:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне
Души отчаянной протест?

[Там же, с. 142, 300]

Тютчев, как и Паскаль, видел в человеке нечто высшее, что позволяет ему отстаивать ту божью искру, которая дает ему возможность преодолевать безмыслие природы.

Вообще-то не надо забывать и о хронотопе, внутри которого жил и думал Паскаль. Стоит привести слова Василия Розанова:

Если глубже вдуматься во взаимное соотношение отдельных веков, составляющих новую историю, то нетрудно заметить, что XVII столетие занимает центральное положение между всеми ими... Полное еще религиозного одушевления... оно представляет вместе и начало политического устройства европейских государств... Век Тилли и Валленштейна, он был в то же время веком Ришелье и Мазарини, и временем, когда жили и трудились Декарт и Лейбниц, Ньютон и Локк.

[Розанов, 2013, с. 256]

Добавим, что шла Тридцатилетняя война (1618–1648), был казнен английский король по приговору парламента как враг отечества, Томас Гоббс эмигри-

ровал во Францию. Это был век Корнеля, Расина и Мольера, а также памятных со школьных лет мушкетеров (Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна), участвовавших в осаде протестантской Ла-Рошели, эпоха королевы Анны Австрийской, Фронды во главе с принцем Конде, мушкетера Арамиса, ставшего генералом всеильного ордена иезуитов, а еще знаменитого религиозного проповедника Корнелия Янсения (1585–1638), янсенистом стал и Паскаль, споривший как янсенист с иезуитами. Добавлю, что он переписывался с Пьером де Ферма — одним из создателей аналитической геометрии, математического анализа, теории вероятностей и теории чисел, автором Великой теоремы, «самой знаменитой математической загадки всех времен».

Паскаль всю жизнь очень болел и даже написал маленький трактат «Молитва, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо». Великие соплеменники переживали за его здоровье. Так, Декарт дважды посещал Паскаля во время одной из его болезней. Но больной, понимая гений философа, не принимал его идеи о первоначальном толчке, говоря, что Картезий хотел бы во всей своей философии обойтись без Бога, но не мог обойтись без того, чтобы Бог дал пинка вселенной и тем запустил ее ход; после чего Бог был ему больше не нужен. И заключал: «Декарт бесполезен и сомнителен» [Паскаль, 1995, Мысли, с. 320].

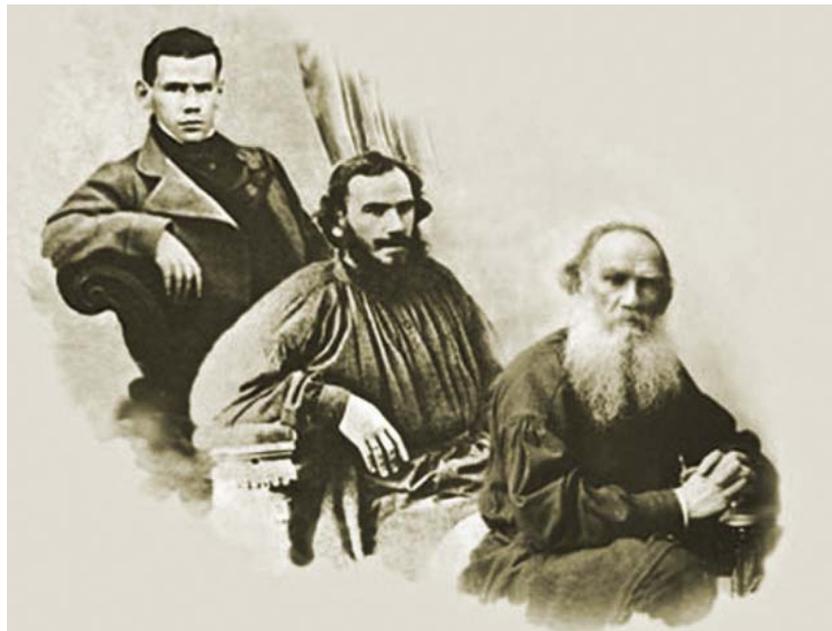

Рене Декарт (1596–1650)

Пьер де Ферма (1607–1665)

Конечно, сквозь мушкетерские дуэли трудно было разглядеть серьезность для Франции этого столетия. Французы называли свой XVII век «веком святых». Россия в эти же годы переживала большие потрясения, историки дали веку название «бунташный». Но из религиозных событий надо назвать раскол, столкновение патриарха Никона и протопопа Аввакума, а в конце этого временного отрезка явление Петра Великого, создавшего в XVIII столетии из России империю, в которой уже началось и осмысление собственной истории, и усвоение достижений западной мысли. Петр был в центре русских размышлений. Так,

Л. Н. Толстой в юности, зрелости, старости

Лев Толстой перед тем, как начать свой эпос «Война и мир», написал несколько глав романа о Петре — о переходе власти от Софьи к Петру. Но усвоение имеет успех, когда достижения иной культуры становятся своими. Так, Запад сделал своими Древнюю Грецию и Рим. Тютчев более двадцати лет прожил в Европе и ранее прочитал и прочувствовал пафос Паскаля.

Обожавший Тютчева Лев Толстой только спустя 11 лет после написания поэтом его шедевра о мыслящем тростнике задумался о Паскале. Как написал исследователь,

«Мысли» — главный философский труд Паскаля — Лев Николаевич прочитал впервые в 1876 году, хотя начальное знакомство с идеями французского философа произошло гораздо раньше: в черновиках «Отрочества» упоминается теория вероятности Паскаля применительно к существованию Бога («аргумент пари») и говорится о стремлении (пусть и кратковременном) юного героя повести, Николеньки Иртеньева, следовать ей в жизни. Однако только во второй половине 70-х годов, когда в пору смутного и тревожного настроения у приближавшегося к своему пятидесятилетию писателя готовился резкий перелом мирозерцания, он по-настоящему открыл для себя французского мыслителя.

[Тарасов, 1997, с. 86]

Вот переведенная и повторявшаяся Львом Толстым, напуганным старостью и приближающимся смертным часом, мысль великого француза: «Нет ничего более несомненного, чем то, что смерть ожидает каждого из нас, а между тем

все мы живем так, как будто ее никогда не будет» [Толстой, 2013, с. 399]. Это экзистенциальное восприятие жизни Паскаль и вправду не раз выговаривал: «Представьте себе цепочку людей в кандалах. Все они приговорены к смерти, и каждый день кого-то из них казнят на глазах у других; оставшиеся в живых видят свою судьбу в судьбе себе подобных и, глядя друг на друга с мукой и без надежды, ожидают, когда настанет их черед. Вот образ удела человеческого» [Паскаль, 1995, Мысли, с. 198].

Я как-то в Дагестане видел, как на пригорке лежали овцы. Время от времени к ним подходил с ножом мужчина, выдергивал одну из них, перерезал ей горло и готовил шашлык. Остальные не шевелились, ожидая своей очереди. Вроде бы и человечество видел Паскаль таким стадом, но он также дал образ мыслящего тростника, *который сам по себе*, не стадное животное.

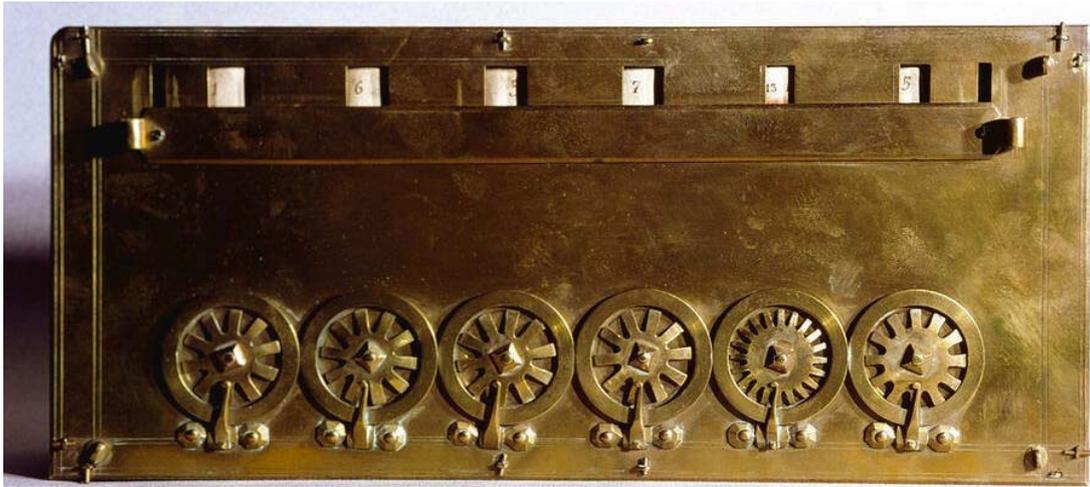
Творческой энергии в Паскале было много. Его сестра вспоминает:

В возрасте двадцати трех лет, увидев опыт Торричелли, он затем придумал и осуществил свой, называемый «опыт с пустотой», ясно доказывающий, что все явления, приписывавшиеся до того пустоте, причиной своей имеют тяжесть воздуха. Это была последняя работа в земных науках, которой он занял свой ум, и хотя впоследствии он изобрел циклоиду, в моих словах нет противоречия, потому что он нашел ее, не думая о ней и при обстоятельствах, заставляющих полагать, что он не прикладывал к тому усилий, как я бы сказала на его месте. Сразу же после того, когда ему не было еще и двадцати четырех лет, Промысел Божий представил случай, побудивший его читать благочестивые книги, и Бог так просветил его через это святое чтение, что он совершенно понял, что христианская религия требует от нас жить только для Бога и не иметь иной цели, кроме Него.

[Перье Ж., 1995, с. 42]

Помимо опыта с пустотой, он создал счетную машину, первый в мире арифмометр. В 1649 году Паскаль получил от короля «Привилегию на арифметическую машину», согласно которой за автором закреплялось право на приоритет, а также на ее изготовление и продажу.

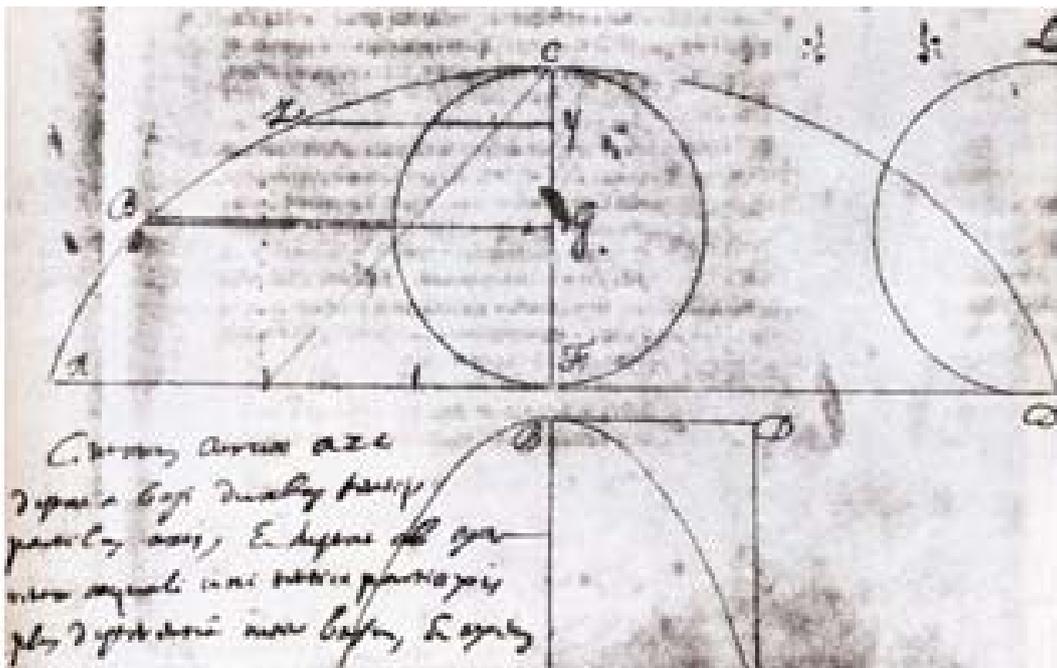
Сегодня пишут, что значение счетной машины Паскаля велико не только для XVII века, но и для последующих веков. Она начинает кибернетическую эпоху в истории техники. Над совершенствованием машины Паскаля будет работать в 1770-х годах Лейбниц, вводя суммарно-множительный механизм счета, а затем еще не одно поколение изобретателей. Заслуги Паскаля высоко оценил *отец кибернетики* Норберт Винер.

«Паскалина» Блез Паскаля — первый калькулятор из XVII века

Наука для Паскаля была защитой от физической боли. Как писали современники, его замечательное исследование о циклоиде приблизило мыслителя к открытию дифференциального исчисления, то есть анализа бесконечно малых величин, но все же честь этого открытия досталась не ему, а Лейбницу и Ньютону.

Как пишут, будь Блез Паскаль более здоров духом и телом, он, несомненно, довел бы свой труд до конца. У Паскаля уже заметно ясное представление о бесконечных величинах, но вместо того, чтобы развить его и применить в математике, Паскаль отвел широкое место бесконечному лишь в своей апологии христианства.

Задача о циклоиде

По словам сестры,

когда он работал над своим сочинением против атеистов, с ним приключилась сильнейшая зубная боль. Однажды вечером господин герцог де Роаннез, уходя, оставил его в страшных мучениях; он лег в постель, боль все усиливалась, и он надумал заняться для облегчения чем-нибудь таким увлекательным, что притянуло бы все соки к мозгу и отвлекло бы его мысли от боли. Тут он вспомнил про задачу о циклоиде, поставленную отцом Мерсенном, которую никто не мог разрешить и которой он сам никогда не занимался. Он размышлял об этом столь успешно, что нашел решение и все доказательства. Он так погрузился в это занятие, что зубная боль утихла, и когда, решив задачу, он перестал о ней думать, то обнаружил, что исцелился от своей болезни.

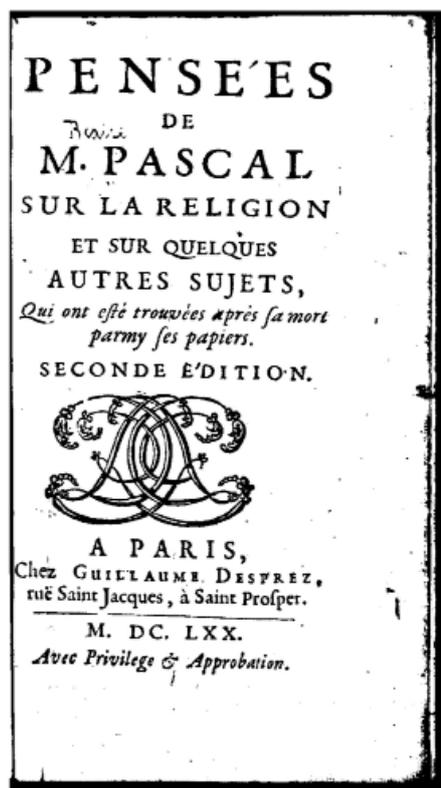
[Перье М., 1995, с. 74]

Роптал мыслящий тростник, гениальный Лев Толстой. Его вторую половину жизни все время преследовал «арзамасский ужас», то есть страх смерти. Осенью 1869 года в гостинице в Арзамасе с Толстым произошло «что-то необыкновенное». Он описывает арзамасскую ночь, когда он испытал невероятной страх «за свою погибающую жизнь». Он пытался осознать причины своего душевного состояния. В своем неоконченном тексте (1883), от которого холод по спине, «Записки сумасшедшего», он зафиксировал это:

Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда заехал. Куда я везу себя. От чего, куда я убегаю? — Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, ни какое именье ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя... Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачало все. Мне так же, еще больше страшно было. «Да что это за глупость, — сказал я себе, — Чего я тоскую, чего боюсь». — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было ужасно. Я попытался стряхнуть этот ужас. Я нашел подсвечник медный с свечой обгоревшей и зажег ее. Красный огонь свечи и

размер ее, немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть... С тех пор я начал читать священное писание. Библия была мне непонятна, соблазнительна, Евангелие умиляло меня. Но больше всего я читал Жития Святых. И это чтение утешало меня, представляя примеры, которые все возможнее и возможнее казались для подражания.

[Толстой, 1936, с. 469–473]

Именно в эти годы он и обращается к Паскалю. Паскаля современники считали святым.

Главный философский труд Паскаля «Мысли о религии и других предметах», или просто «Мысли», считают исследователи, — одно из высших достижений европейской философии. Он работал над ним до конца жизни, так и не успев завершить свой труд, который остался в виде записей (названных при издании фрагментами) на отдельных листах бумаги, лишь частично им классифицированных по темам и в соответствии с замыслом «Апологии христианской религии». Множество других фрагментов не имело прямого к ней отношения и касалось философских воззрений Паскаля: о природе, человеке, познании, различных направлениях в философии и др. Эти записи (выборочно, с целью прославить Паскаля как святого!) были впервые после его смерти опубликованы Пор-Роялем в 1669 году.

Паскаль умер сравнительно молодым, 39-ти лет, отказался от брака, чтобы служить Богу. Он жил практически внутри христианских чудес. В книге о Паскале Б. Н. Тарасов приводит такой эпизод:

24 марта 1656 года в Пор-Рояле происходит непредвиденное событие. Вот что о нем написал обучавшийся в янсенистской школе знаменитый драматург Расин, которому в эту пору чуть более шестнадцати лет, в «Кратком изложении истории Пор-Рояля»: «В парижском Пор-Рояле была молодая воспитанница, лет десяти-одиннадцати, мадемуазель Перье, дочь г. Перье, советника палаты сборов в Клермоне, и племянница г. Паскаля. Уже три с половиной года она страдала слезоточивой фистулой в углу левого глаза. Эта фистула, очень заметная снаружи, произвела большие повреждения внутри: она полностью разъела кость

носа и пробуровила небо...» Гной, вытекавший из опухоли, попадал прямо в горло девочки. Ее глаз стал совсем маленьким, а соседние с ним части лица так исказились и так болели, что нельзя было прикоснуться к голове Маргариты с этой стороны, не причинив ей сильной боли. На нее нельзя было смотреть без ужаса, а источаемый гноем запах был так невыносим, что девочку пришлось отделить от других воспитанниц и поместить к более взрослой, у которой, по словам Расина, «нашлось достаточно милосердия, чтобы находиться с ней вместе». Знаменитые хирурги и окулисты не могли ничего поделать...

...Во время вечерни [монахини] по заведенному обычаю целовали колючку с тернового венца. Затем к «святому тернию» подходили воспитанницы Пор-Рояля. Когда приблизилась очередь «маленькой Перье», наставница, будучи не в состоянии смотреть на девочку без дрожи и сострадания, сказала ей: «Вручите свою судьбу Богу и приложите святое терние к своему глазу». Маргарита не замедляет исполнить это, а придя в свою комнату, вдруг восклицает, обращаясь к той, у которой «нашлось достаточно милосердия, чтобы находиться с ней вместе»: «Сестра моя, я совсем не чувствую боли; святое терние вылечило меня!» 3 апреля 1656 года в «Дневнике де Сен-Жиля», принадлежащем пор-рояльскому отшельнику Бодри, записано: «Но она (Маргарита Перье. — Б. Т.) настолько излечилась, что господин де Ребур (руководитель и исповедник монахинь) говорит, будто он принял один глаз за другой. Ее дядя, г-н Паскаль, которого вижу каждый день, говорит мне то же самое». Обрадованный отец Маргариты уже 4 апреля оказывается в Париже и, по словам Блеза, находит свою дочь «более здоровой, чем когда-либо».

Жан Расин (1638–1699)

Маргарита Перье (1646–1733)

[Тарасов, 2006, с. 202–203]

Немного забегаая вперед, процитирую одно точное соображение Марины Шаповаловой — отечественной писательницы и исследовательницы — в статье «Блез Паскаль и Лев Толстой»:

Мыслитель и духовный странник, борец духа, восхищающийся Паскалем, Толстой, тем не менее, не любит свободной мысли. Не любит он ее в тех людях, нравственности которых не доверяет. То есть — во всех. И в этом он солидарен, скорее, с Великим Инквизитором: к искушению собственным умом человека допускать нельзя. Блез Паскаль оставил фундаментальную науку в зените своей недолгой жизни — на третьем, последнем десятке отпущенных ему лет. Он любил свободу и силу научной мысли, но убедился в бесполезности научных знаний для постижения Бога и обретения веры. *«Мыслящий тростник» объемлет разумом вселенную и пределы ее, хотя подвержен всем стихиям, и физическая его оболочка слаба. Без мысли — он просто трава. Об этом сказал Паскаль. А Толстой не заметил* (курсив мой. — В. К.).

[Шаповалова, 2009]

Толстой действительно этого не заметил. Хотя он и писал своим корреспондентам, что видит в Паскале себя, он был совсем другой. В отличие от безбрачного Паскаля граф вел совсем иную жизнь. Толстой умер 82 лет, распутничал долго, в возрасте 34 лет женился на Софье Андреевне Берс, молоденькой

Софья Андреевна и Лев Николаевич

18-летней девушке, дал ей перед первой брачной ночью читать свой сладострастный дневник, вроде чтобы очистить себя, а когда напуганная девственница не оказалась Мессалиной, записал кратко: «Не то». У него было много детей, одного из них, Тимофея, прижитого вне брака, он сделал кучером. Своим законным детям, пытавшимся писать, говорил: «Вы, Берсы, способные люди».

Стоит также помнить, что Паскаль жил в эпоху религиозных войн 1559–1689 годов, внутри которых прозвучала и Тридцатилетняя война. И хотя Толстой все время упрекает Паскаля в католицизме, надо думать, что в этом невероятном, более чем столетнем ужасе и хаосе Паскаль вполне отчетливо выбрал сторону католицизма. Толстой написал: «Как человек, умирающий от жажды, набрасывается на ту воду, которая есть перед ним, не разбирая ее качества, так Паскаль, не разбирая качества того католицизма, в котором он был воспитан, видел в нем истину и спасение людей. Довольно, что вода, довольно, что вера» [Толстой, 1957, т. 41, с. 482]. Но католицизм убирал из жизни хаос, держал вертикаль религиозной власти. Это ведь и время правления великого кардинала Ришельё².

Это была эпоха напряженных умственных исканий в Европе: Якоб Бёме, Пьер Гассенди, Джон Локк, Гуго Гроций,

Кардинал Ришельё (1585–1642)

Памятник дюку Ришельё в Одессе

² Стоит хоть пару слов сказать о связи этого рода с Россией. Потомок кардинала, герцог де Ришельё участвовал в штурме Измаила, а спустя пять лет надолго обосновался в Российской империи. В 1803 году Ришельё стал градоначальником, а с 1805 по 1814 год — генерал-губернатором Одессы. Город строился по приказу Екатерины Великой. Одесситы любили герцога, называли его «наш Дюк» и считали основателем города, хотя к тому времени Одессе было уже восемь лет. Стараниями нового градоначальника город превратился в крупный торговый порт.

Фрэнсис Бэкон, Франсиско Суарес, Джонатан Свифт и др. Однако Толстой, как известно, не любил истории, не доверял ей, поэтому, говоря о Паскале, он вспоминает его отца, но не движения мысли той поры.

В России, как Толстой писал, был наш русский Паскаль — Гоголь. Но интересно, что он увидел в Паскале и в Гоголе собственное неудержимое и неистовое с самой юности стремление к славе и собственное желание побороть свое тщеславие. Кстати, именно Паскаль сформулировал это человеческое свойство, написав, что «во мне, а не в писаниях Монтеня содержится то, что я в них вычитываю». И Толстой тоже вычитал свое и у Паскаля, и у Гоголя. Толстой увидел в обоих бешеное тщеславие. Мучило ли тщеславие Паскаля? Наверно, как и многих творческих людей, хотя его сестра писала об отсутствии всякого тщеславия у брата. Думаю, что все же оно было, но в меру. Все его открытия делались, как правило, не ради славы, а из простой необходимости. Счетную машину он создавал, желая помочь отцу в его расчетах, не думая о мировой славе, как ее воображал себе Толстой.

Его слава, как и должно славе, пришла от благодарных за его открытия потомков, людей науки и знания. В его честь был назван один из наиболее известных языков программирования — Паскаль (Pascal), который широко использовался в высшей школе и промышленности и стал основой для строения других языков программирования. Но мыслитель думал и о простых людях. Именно ему принадлежит идея омнибусов — многоместных конных экипажей с фиксированными маршрутами. Именно с подачи Паскаля герцог де Роанне создал в тот период акционерное общество для реализации новаторского проекта, и 18 марта 1662 года, в год смерти мыслителя, в Париже открылся первый маршрут общественного пассажирского транспорта. Парижане, которым соб-

ственная карета была не по карману, могли воспользоваться *омнибусом*, что в переводе означало «для всех», — средством передвижения на конной тяге.

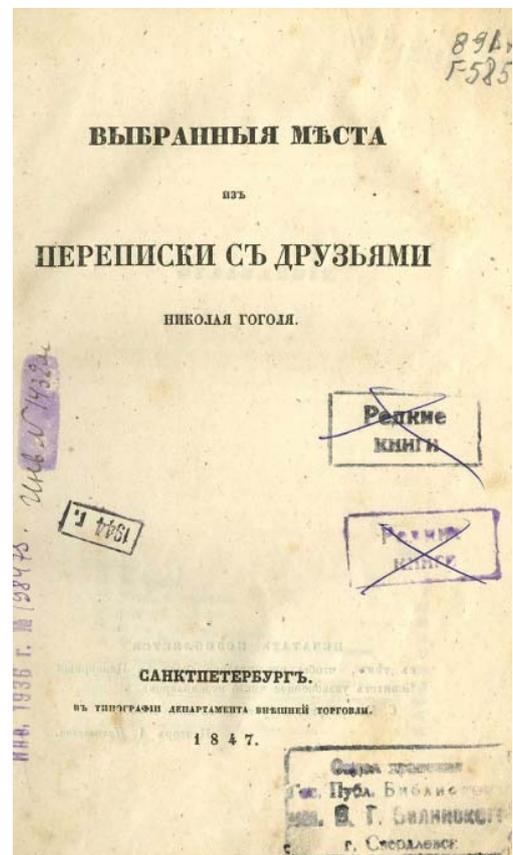
Назвать это желанием славы? Вряд ли. Кажется, и Гоголь тоже не очень бредил славой. Паскаль принимал свои успехи как само собой разумеющееся. Тем не менее именно тщеславие как основу их деятельности видел Толстой:

Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти, не скрывает от них так прочно, иногда до самого конца, тщету временной мирской жизни и ни одна не отдаляет так людей от понимания смысла человеческой жизни и ее истинного блага, как страсть славы людской, в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолубия... Таким человеком был Паскаль. Таким же был близкий нам русский человек Гоголь (я по Гоголю, думаю, понял Паскаля). И тот и другой, хотя с совсем различными свойствами и с совершенно различным складом и размером ума, пережили одно и то же. Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; и оба, достигнув ее, тотчас же поняли всю тщету того, что казалось им самым высоким, самым драгоценным в мире благом, и оба ужаснулись тому соблазну, во власти которого находились.

[Толстой, 1957, т. 41, с. 477]

К сожалению, принять пафос Толстого историк философии не может. Как писал Толстой, «Гоголь, наш Паскаль, — лежит под спудом... Надо издать его выбранные места из его переписки» [Толстой, 1955, с. 225].

Паскаль не раз подчеркивал необходимость вертикали власти, как и положено католику. Толстой же, как его называли, был «великий бунтовщик», не принимавший никакого начальства, царя снисходительно называвший братом. В этом контексте позиция Гоголя абсолютно антагонистична толстовской. «Как это верно, — писал Гоголь, — что полная любовь не должна принадлежать никому на земле. Она должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

ее к постановленному над ним высшему начальнику, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно в виду всех всеми любимым царь Самому Богу» [Гоголь, 1993, с. 175]. Замечу еще, что царь высоко оценил «Ревизора» Гоголя, сказав, усмехнувшись, что в комедии многим досталось, «а мне больше всех». Причем это сказал один из самых жестких самодержцев.

Именно Николая Лев Толстой изображал крайне негативно. Хотя как раз Николай, узнав, что автор понравившегося ему текста о Севастопольском сражении, находится на четвертом бастионе, самом простреливаемом, повелел перевести его

в более безопасное место. Но Толстой был беспощаден к сильным мира сего. Вот маленькая блистательная и жесткая повесть «За что?», там такие строки:

Николай же Павлович радовался тому, что задавил гидру революции не только в Польше, но и во всей Европе, и гордился тем, что он не нарушил заветов русского самодержавия и для блага русского народа удержал Польшу во власти России. И люди в звездах и золоченых мундирах так восхваляли его за это, что он искренно верил, что он великий человек и что жизнь его была великим благом для человечества и особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были бессознательно направлены все его силы.

[Толстой, 1957, т. 42, с. 106]

Кто из них прав — не нам судить. Просто хочу показать очевидную неточность Толстого в интерпретации позиции Гоголя.

Причем стоит сказать, что хотя Гоголь и знал себе цену, но никогда не полагал, что его гений ставит его выше других. В отличие от Толстого, который постоянно мерялся славой с Гёте, Шопенгауэром, Соломоном... Гоголь с пиететом поминал прежде всего Пушкина, которого ставил много выше себя, Гофман был его учителем в фантазмагорическом роде. И именно Пушкина брал себе в вожатые в отношении к власти, которую Лев Толстой ненавидел. Гоголь писал:

Как умно определял Пушкин значение полномочного монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! «Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт...».

[Гоголь, 1993, с. 62]

Но есть и более важное, что отделяет Толстого от Паскаля. Это отношение к Христу и к природе. Толстой вроде бы был человек верующий, но природа для него была важнее Христа. Паскаль очень жестко формулировал:

Все те, кто ищут Бога вне Иисуса Христа и не идут дальше природы, либо не находят вовсе нужного им знания, либо придумывают для себя способ познать Бога и служить Ему без посредника, и тем впадают либо в атеизм, либо в деизм, почти одинаково противные христианской религии. Без Иисуса Христа мир не мог бы существовать; тогда он должен был либо разрушиться, либо уподобиться аду.

[Паскаль, 1995, Мысли, с. 202]

Достигнув вершины славы, Толстой стал призывать к опрощению и к непротивлению злу. Помимо ранних фотографий, Толстого в его славе рисовали самые большие русские художники: Крамской, Репин, Ге и др. И учитывали его самосотворенный образ опростившегося графа.

Испанский философ, говоря о восстании варварства, отказывался предать цивилизацию, говоря, что в отказе от своего высшего предназначения видно дьявольское: «Люцифер был бы не меньшим мятежником, если бы метил не на место Бога, ему не уготованное, а на место низшего из ангелов, уготованное тоже не ему. (Будь Люцифер русским, как Толстой, он, наверно, избрал бы второй путь, не менее богоборческий.)» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 342]. Хотя и с Богом у Толстого были, говоря нынешним языком, «терки».

И. Е. Репин. Лев Николаевич Толстой босой. 1901

Надо сказать, что и против непротivления злу протестует сама природа. *Человек рождается, и с самого рождения каждый возраст — это сопротивление злу, то есть смерти.* Нелюбовь Толстого к врачам и медицине идет из этой идеи непротivления. Это звучит во всех его произведениях. Вот наиболее признанный его роман — «Война и мир». В ней его alter ego Пьер Безухов заболевает, и Толстой пишет: «Несмотря на то, что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел» [Толстой, 1940, т. 12, с. 203]. Замечу, что при самом графе с 1904 года был постоянный доктор Душан Маковицкий. С ним Толстой «ушел из дома».

Против идеи непротivления злу выступили крупные русские мыслители — от В. С. Соловьева («Три разговора») до И. А. Ильина («О сопротивлении злу силою»). Поражение русского государства в столкновении с радикалами в 1917 году показало, что идея непротivления приводит к катастрофе. Впрочем, Толстой был и против государства. В одиночку, босой, как крестьянин, вышел на бой с чудовищем, но за мной-де простые русские мужики. Эту жизнь напоказ уловило русское простонародье. О Достоевском не было ни шуток, ни анекдотов, а о Толстом полно. Даже вагонные песни.

Жил-был великий писатель
Граф Лев Николаич Толстой,
Не ел он ни рыбы, ни мяса,
Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Андревна,
Обратно, любила поесть.

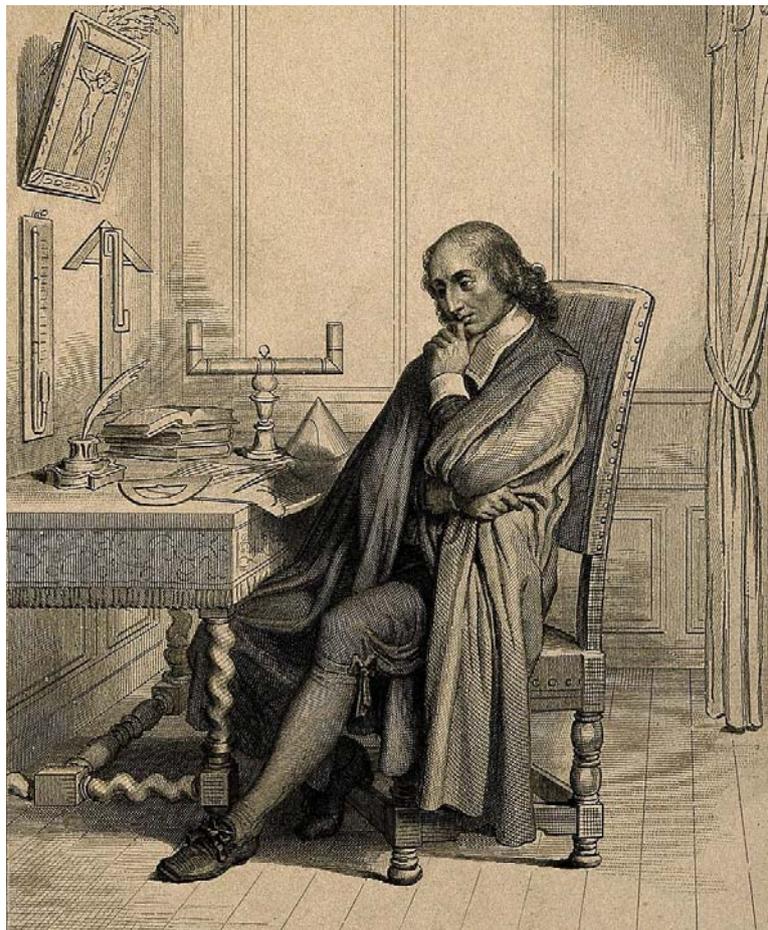
Она не ходила босая,
Спасая фамильную честь.

...

В деревне той, Ясной Поляне,
Теперь никого, ничего...
Подайте ж, подайте, славяне,
Я сын незаконный его!

Он понимал, что велик, и вправду был велик, бесспорно гениальный писатель, поэтому смел нападать на церковь.

Оттолкнули меня от церкви и странности догматов церкви, и признание и одобрение церковью гонений, казней и войн, и взаимное отрицание друг друга разными исповеданиями; но подорвало мое доверие к ней именно это равнодушие к тому, что мне казалось сущностью учения Христа, и, напротив, пристрастие к тому, что я считал несущественным. Мне чувствовалось, что тут что-то не так. Но что было не так, я никак не мог найти; не мог найти потому, что

Блез Паскаль, сидящий за своим столом. Линия гравюры Дж. Бейна (по Г. Фландрину). 1844

учение церкви не только не отрицало того, что казалось мне главным в учении Христа, но вполне признавало это, но признавало как-то так, что это главное в учении Христа становилось не на первое место. Я не мог упрекнуть церковь в том, что она отрицала существенное, но признавала церковь это существенное так, что оно не удовлетворяло меня. Церковь не давала мне того, чего я ожидал от нее.

[Толстой, 1957, т. 23, В чем моя вера? с. 307]

Паскаль же писал: «Невозможно, чтобы те, кто любит Бога всем сердцем, не распознали правоту Церкви, так она очевидна» [Паскаль, 1995, Мысли, с. 319].

«В былые времена те, — утверждал Паскаль, — кто получил второе рождение в крещении и покинул мирские пороки, чтобы обрести благочестие в Церкви, так редко спускались снова из Церкви в мир, тогда как теперь нет ничего более обыкновенного, чем мирские пороки в сердцах христиан» [Паскаль, 1995, Сравнение ... , с. 389]. Думаю, именно это мучило Толстого.

Синод отлучил его от церкви, но определение было очень мягким и оставляло надежду на возвращение в случае, если Толстой перестанет проклинать церковь и найдет с ней пути примирения и компромисса: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею» [Церковные ведомости, 1901]³. Впрочем, церковь делала все это в ответ на действия Толстого.

В своем замечательном стихотворении «Уход» Наум Коржавин сформулировал переживаемые Толстым проблемы и поставленную им себе сверхзадачу:

Бог не дается. Все непримиримо.
И каждый шаг как новый Рубикон.
Нет в Питере царя! Нет папы в Риме!
За этот мир в ответе только он...

И он тревожен. Он меняет взгляды.
Как в детстве, рвется к истинам простым.

³ Стоит привести реакцию одного из выдающихся современников Толстого на это событие. «Тот, кто, по свидетельству самого Толстого, назвал его дьяволом в человеческом образе, был недалек от истины, той истины, которою Толстой заменил христианство, — писал тогда Н. Ф. Федоров. — Призывающий Россию к неплатежу податей обвиняет в подстрекательстве синодальное определение, отличающееся неизъяснимою мягкостью. Толстой сам недоволен этой мягкостью. Ему очень бы хотелось поруганий, поношений, что придавало бы ему ореол мученика: а он так жаждет дешевой ценой приобретенного мученичества» [Федоров, 1982, с. 639].

Чего ему еще от жизни надо?
Иль мало быть при жизни Львом Толстым?

Но ему этого было мало. Помните пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке»? Чего захотела вздорная старуха? Стать владычицей морской! Отвечать за *целый мир* никогда не приходило в голову Паскаля, он заботился о близких, своих родных и жителях своего города. И что значит отвечать за целый мир? Стать Богом?

У Толстого был поразительный страх смерти, словно он боялся очнуться в аду, страх перед потусторонним бытием, которое он даже боялся вообразить себе. Достоевский не боялся, достаточно вспомнить его страшный рассказ «Бобок». Не то Толстой. Раз жизнь кончается смертью даже великих, она, по логике Толстого, есть зло. Только три человека это поняли, как он считает: «Мое положение с Шопенгауэром и Соломоном, несмотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаем, что жизнь есть зло, и все-таки живем» [Толстой, 1957, т. 23, Исповедь, с. 37]. Толстому страшно именно потому, что он не принял истории, которая дает вечную жизнь на земле. Но закономерно, что, отвергнув земную историю, он отверг и Священную историю. В поисках смысла жизни он обратился к христианству: «Я смотрю на *христианство* не как на исключительное божественное откровение, не как на историческое явление, я смотрю на *христианство* как на учение, дающее смысл жизни» [Толстой, 1957, т. 24, с. 806]. Но он не мог принять его просто, он подвергает переоценке и пересмотру евангельское учение, как оно сложилось исторически. Это ясно сформулировано им в «Исповеди» (1882): «И я обратил внимание на все то, что делается людьми, исповедующими христианство, и ужаснулся... Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь, и истина переданы тем, что называется церковью. И ложь, и истина заключаются в предании, в так называемом священном предании и писании» [Толстой, 1957, т. 23, Исповедь, с. 56]. Заметим, что стилистика при этом евангельская, как в «Заратустре» Ницше. Сам стиль говорит, что Толстой вполне серьезно считает свой текст новым Евангелием, но, отказавшись от исторического христианства, он под видом христианства дал нечто иное, ибо истинную веру нашел не в церкви, а у русского мужика, еще связанного с языческой религией земли.

Наум Моисеевич
Коржавин (1925–2018)

Алданов писал с ужасом, что за четыре месяца до смерти Толстой отверг Евангелие. Приведем запись секретаря Толстого В. Ф. Булгакова от 22 июня 1910 года, на которой основывается заключение Алданова:

Лев Николаевич высказался против обязательности евангельских текстов, которые извращены.

— Не хочется мне этого говорить, но уж я скажу: как раньше я любил Евангелие, так теперь я его разлюбил.

Потом прочли одно прекрасное место из Евангелия, по изложению Льва Николаевича (курсив мой. — В. К.).

— Я опять полюбил Евангелие, — произнес он, улыбаясь.

[Булгаков, 1989, с. 260]

Статуя Блеза Паскаля у основания башни Сен-Жак. Париж

Разумеется, можно испугаться. Страх Алданова понятен. Граф любил только свое Евангелие, отказавшись от Христова. Извратили-де евангелисты, а только он подлинно проник в слово Христа, ибо сам то же, что и Христос. Но самое главное, как несложно увидеть, что это не решение последних лет, а простое формулирование и развитие ранее сказанного. Отказ от науки и культуры мог вести только к отказу от защиты человека в опасностях жизни, от настоящей любви к нему. Но революционно настроенные поздние современники Толстого приняли и поддержали это его желание превзойти Бога. «А с неба смотрела какая-то дрянь / величественно, как Лев Толстой», — так резюмировал Маяковский окончание тяжбы Толстого

с Богом в сознании соотечественников писателя. Отсюда недалек шаг и к большевистскому самозванчеству, расстреливавшему массово «попов» казенной церкви, отвергшему «буржуазную» культуру и историю и объявившему Октябрьскую революцию высшей и последней вехой в развитии человечества.

Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции», пояснив свою мысль: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толсто-

го — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе» [Ленин, 1973, т. 17, с. 209]. Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах» [Ленин, 1973, т. 20, с. 22]. Это уже шаг к партийности.

Но Паскаль остался Паскалем. Он не был, как великий Толстой, разыгран в партийно-политические карты. Что ж, у каждого своя судьба.

Закончить статью хотелось бы фразой Паскаля:

Я могу представить себе человека без рук, без ног, без головы — ведь нас только опыт учит, что голова человеку более необходима, чем ноги. Но я не могу вообразить человека без мысли. Это был бы камень или животное.

Инстинкт и разум — печати двух природ.

Мыслящая тростинка.

Не в пространстве должен я искать своего достоинства, но в правильности мысли. Владение землями не даст мне никакого преимущества. В пространстве вселенная объемлет и поглощает меня, малую точку; мыслью я ее объемлю.

Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не сознает.

Сознавать себя несчастным — это несчастье; но сознавать, что ты несчастен, — это величие.

[Паскаль, 1995, Мысли, с. 105]

Список источников

Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 448 с.
Гоголь Николай. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Патриот, 1993. 400 с.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. Т. 20. С. 19–24.

Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. Т. 17. С. 206–213.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. А. М. Гелескула // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 309–350.

Паскаль Блез. Мысли // Паскаль Блез. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 77–372.

Паскаль Блез. Сравнение первых христиан с нынешними // Паскаль Блез. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 387–390.

Перье Жильберта. Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне // Паскаль Блез. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 38–68.

Перье Маргарита. Заметки о жизни господина Паскаля, написанные мадам-муазель Маргаритой Перье, его племянницей // Паскаль Блез. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 69–76.

Пинский Л. Е. Эразм Роттердамский и его «Похвальное слово Глупости» // Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение: Статьи. Лекции. М.: РГГУ, 2002. С. 63–98.

Розанов В. В. Паскаль // Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. СПб.: РХГА, 2013. С. 255–280.

Тарасов Б. Н. Лев Толстой — читатель Паскаля // Вопр. литературы. 1997. № 6. С. 86–101.

Тарасов Б. Н. Паскаль. Изд. 3-е. М.: Молодая гвардия, 2006. 340 с.

Толстой Л. Н. «Записки сумасшедшего» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 26. С. 466–474.

Толстой Л. Н. В чем моя вера? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 23. С. 304–465.

Толстой Л. Н. За что? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 42. С. 84–118.

Толстой Л. Н. Исповедь (Вступление к ненапечатанному сочинению) // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 23. С. 1–59.

Толстой Л. Н. Июль. Недельные чтения. Паскаль // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 41. С. 477–496.

Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 24. С. 800–938.

Толстой Л. Н. Круг чтения // Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. РХГА, СПб., 2013. С. 399–416.

Толстой Л. Н. О литературе: статьи, письма, дневники. М.: ГИХЛ, 1955. 764 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 40: Война и мир. Том четвертый. 425 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. 640 с.

Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

Фолкнер У. Речь при получении Нобелевской премии (1950) / пер. Н. Анастасьева // Писатели США о литературе: в 2 т. / сост. А. Николюкин. М.: Прогресс, 1982. Т. 2. С. 191–192.

Церковные ведомости. № 8. 24 февраля 1901.

Шаповалова Марина. Блез Паскаль и Лев Толстой. 2009.

URL: <https://mshapovalova.ru/blez-paskal-i-lev-tolstoj> (дата обращения: 1.08.2023).

Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 90–217.

References

Bulgakov, V. (1989) *L. N. Tolstoy v poslednii god ego zhizni* [*L. N. Tolstoy in the last year of his life*]. Moscow: Pravda.

Gogol', Nikolai (1993) *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [*Selected places from correspondence with friends*]. Moscow: Patriot.

Lenin, V. I. (1973) “L. N. Tolstoy” [“L. N. Tolstoy”], in Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. Tom 20* [*Complete works: in 55 vols. Vol. 20*]. 5th edn. Moscow: Politizdat, pp. 19–24.

Lenin, V. I. (1973) “Lev Tolstoy, kak zerkalo russkoi revolyutsii” [“Leo Tolstoy, as a mirror of the Russian Revolution”], in Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. Tom 17* [*Complete works: in 55 vols. Vol. 17*]. 5th edn. Moscow: Politizdat, pp. 206–213.

Ortega-y-Gasset, H. (1991) “Vosstanie mass” [“The Uprising of the masses”]. Transl. by A. M. Geleskul, in Ortega-y-Gasset, H. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [*Aesthetics. Philosophy of Culture*]. Moscow: Iskusstvo, pp. 309–350.

Pascal, Blaise (1995) “Mysli” [“Thoughts”], in Pascal, Blaise. *Mysli* [*Thoughts*]. Transl. from the French, preface, comments by Yu. A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh [Sabashnikov Publishing House], pp. 77–372.

Pascal, Blaise (1995) “Sravnenie pervykh khristian s nyneshnimi” [“Comparison of the first Christians with the present”], in Pascal, Blaise. *Mysli* [*Thoughts*]. Transl. from the French, preface, comments by Yu. A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh [Sabashnikov Publishing House], pp. 387–390.

Perrier, Zhil'berta (1995) “Zhizn' gospodina Paskalya, napisannaya gospozhoi Per'e, ego sestroi, suprugoi gospodina Per'e, sovetnika palaty sborov v Klermone” [“The Life of Monsieur Pascal, written by Madame Perrier, his sister, wife of Monsieur Perrier, councillor of the Chamber of Fees in Clermont”], in Pascal, Blaise. *Mysli*

[*Thoughts*]. Transl. from the French, preface, comments by Yu. A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh [Sabashnikov Publishing House], pp. 38–68.

Perrier, Margarita (1995) “Zametki o zhizni gospodina Paskalya, napisannye madmuazel’ Margaritoy Per’e, ego plemyanitsei” [“Notes on the life of Mr. Pascal, written by Mademoiselle Marguerite Perrier, his niece”], in Pascal, Blaise. *Mysli* [*Thoughts*]. Transl. from the French, preface, comments by Yu. A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh [Sabashnikov Publishing House], pp. 69–76.

Pinskii, L. E. (2002) “Erazm Rotterdamskii i ego ‘Pokhval’noe slovo Gluposti” [“Erasmus of Rotterdam and his ‘Laudable word of Stupidity’”], in Pinskii, L. E. *Renesans. Barokko. Prosveshchenie: Stat’i. Lektsii* [*Renaissance. Baroque. Enlightenment: Articles. Lectures*]. Moscow: RGGU, pp. 63–98.

Rozanov, V. V. (2013) “Paskal’” [“Pascal”], in *Blez Paskal’: pro et contra. Lichnost’ i tvorcheskoe nasledie Paskalya v vospriyatii i otsenke russkikh filosofov i pisatelei. Antologiya* [*Blaise Pascal: pro et contra. Pascal’s personality and creative heritage in the perception and evaluation of Russian philosophers and writers. Anthology*]. St. Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya [Russian Christian Humanitarian Academy], pp. 255–280.

Tarasov, B. N. (1997) “Lev Tolstoi — chitatel’ Paskalya” [“Leo Tolstoy — the reader of Pascal”], *Voprosy literatury* [*Questions of literature*], 6, pp. 86–101.

Tarasov, B. N. (2006) *Paskal’* [*Pascal*]. 3rd edn. Moscow: Molodaya gvardiya.

Tolstoi, L. N. (1936) “Zapiski sumasshedshego” [“Notes of a madman”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 26* [*Complete works: in 90 vols. Vol. 26*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 466–474.

Tolstoi, L. N. (1957) “V chem moya vera?” [“What is my faith?”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 23* [*Complete works: in 90 vols. Vol. 23*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 304–465.

Tolstoi, L. N. (1957) “Za chto?” [“For what?”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 42* [*Complete works: in 90 vols. Vol. 42*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 84–118.

Tolstoi, L. N. (1957) “Ispoved’ (Vstuplenie k nenapechatannomu sochineniyu)” [“Confessions (Introduction to an unpublished work)”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 23* [*Complete works: in 90 vols. Vol. 23*]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 1–59.

Tolstoi, L. N. (1957) “Iyul’. Nedel’nye chteniya. Paskal’” [“July. Weekly readings. Pascal”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 41* [Complete works: in 90 vols. Vol. 41]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 477–496.

Tolstoi, L. N. (1957) “Kratkoe izlozhenie Evangeliiya” [“Summary of the Gospel”], in Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 24* [Complete works: in 90 vols. Vol. 24]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 800–938.

Tolstoi, L. N. (2013) “Krug chteniya” [“Reading circle”], in *Blez Paskal’: pro et contra. Lichnost’ i tvorcheskoe nasledie Paskalya v vospriyatii i otsenke russkikh filosofov i pisatelei. Antologiya* [Blaise Pascal: pro et contra. Pascal’s personality and creative heritage in the perception and evaluation of Russian philosophers and writers. Anthology]. St. Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya [Russian Christian Humanitarian Academy], pp. 399–416.

Tolstoi, L. N. (1955) *O literature: stat’i, pis’ma, dnevniki* [About literature: articles, letters, diaries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction].

Tolstoi, L. N. (1940) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 40: Voina i mir. Tom chetvertyi* [Complete works: in 90 vols. Vol. 40: War and Peace. Vol. 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction].

Tyutchev, F. I. (2003) *Polnoe sobranie sochinenii i pis’ma: v 6 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 6 vols. Vol. 2]. Moscow: Izdatel’skii tsentr “Klassika”.

Fedorov, N. F. (1982) *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl’.

Faulkner, W. (1982) “Rech’ pri poluchenii Nobelevskoi premii (1950)” [“Speech when receiving the Nobel Prize (1950)”]. Transl. from the English by N. Anastas’ev, in *Pisateli SShA o literature: v 2 tomakh. Tom 2* [Writers of the USA about literature: in 2 vols. Vol. 2]. Compiled by A. Nikolyukin. Moscow: Progress, pp. 191–192.

Tserkovnye vedomosti [Church Vedomosti] (1901) 8, 24 Feb.

Shapovalova, Marina (2009) *Blez Paskal’ i Lev Tolstoi* [Blaise Pascal and Leo Tolstoy]. Available at: <https://mshapovalova.ru/blez-paskal-i-lev-tolstoj> (Accessed: 1 August 2023).

Erasmus of Rotterdam (1986) “Oruzhie khristianskogo voina” [“The weapon of the Christian warrior”], in Erasmus of Rotterdam. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Nauka, pp. 90–217.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 07.08.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.